

Глава 21

Линь Чэньюй на некоторое время замер, его сердце упало.

Когда он встретил Цзян Сяо после перерождения, то всегда проявлял инициативу. С самого начала, когда Линь Чэньюй приставал к Цзян Сяо несколькими словами, он хотел привезти его в Люцзян. Цзян Сяо едва ли требовалось мгновение раздумий, чтобы понять, что Линь Чэньюй переродился.

«Ты имеешь в виду, что если бы я не помнил, я бы не был таким восторженным, верно, Сяосяо?»

«Это была всего лишь одна из ситуаций» сказал Цзян Сяо. «Были и другие намёки».

Цзян Сяо был внимателен к деталям. Он часто обращал внимание на мелочи и многое помнил из своей прошлой жизни. Когда он снова увидел Линь Чэньюя, то стал более уверенным.

Люди, которые пережили многое, не могут не отличаться от тех времен, когда они были молоды, как бы никто из них ни пытался этого скрыть.

Например, Линь Чэньюй долгое время жил в Люцзяне. Несмотря на то, что его мандаринский был стандартным, на некоторые слоги не мог не повлиять местный диалект. «Линь» звучал немного похоже на «Нин», когда он это говорил, что поначалу не было очевидно. Позже он надолго уехал по делам в город Биньхай. Некоторые части его произношения постепенно исправлялись и становились очень стандартными.

«Ученик, я ищу среднюю школу Хоулинь № 3».

Когда они снова встретились в Хоулине, Линь Чэньюй сказал ему это, когда сделал вид, что спрашивает дорогу. Его произношение «Линь» было стандартным.

Когда Линь Чэньюй окончил университет и впервые начал свою карьеру, то начал с самого низа. Он много работал, добился выдающихся достижений и очень быстро получил повышение. Но он был так занят, что не заметил, что у него развилось лёгкое воспаление сухожилия большого пальца. Цзян Сяо нашёл для него целебное вино, чтобы втереть его в сустав, но Линь Чэньюй не позаботился об этом как следует. Когда он поднялся на более высокий уровень в развитии, ему не нужно было выполнять так много основной работы. Однако из-за этой травмы всякий раз, когда у Линь Чэньюя что-то было на уме, он бессознательно потирал большие пальцы, если его руки были сложены.

Это были приобретённые привычки, которыми Линь Чэньюй не должен был обладать прямо сейчас. Если его чрезмерно восторженное отношение при их первой встрече заставило Цзян Сяо заподозрить, что что-то может быть не так, всё остальное было доказательством.

Линь Чэньюй ничего этого не знал. Когда он услышал, как Цзян Сяо описывает эти вещи, выражение его лица было удивлённым.

Но Цзян Сяо помнил всё, потому что он испытал это с течением времени. После того, как бизнес Линь Чэньюя перешел в Биньхай, жизни этих двух людей начали расходиться. Линь Чэньюй не возвращался в течение длительного периода времени. Изменение в его акценте было лишь одной из вещей, которые заметил Цзян Сяо. Цзян Сяо научился готовить для него несколько блюд Биньхай, просто чтобы приспособиться к его новым предпочтениям. Его травма большого пальца была ещё одной вещью, к которой он приспособился. Линь Чэньюй никогда не понимал, что для того, чтобы ему стало лучше, Цзян Сяо повсюду искал различные виды лечебного масла и специально изученные техники массажа.

Даже если глубокая любовь, которую когда-то испытывал Цзян Сяо, иссякла, сердце, которое так пристально наблюдало за Линь Чэньюем, нелегко было забыть настолько, что, когда Цзян Сяо увидел его после своего перерождения, то ему не нужно было обращать на это особого внимания. Он просто увидел всё, задумался на мгновение и всё понял.

Было нечто большее, чем просто эти две мелкие детали. Было бесчисленное множество других вещей. Ему просто не хотелось приводить ещё один пример.

Когда-то он относился к Линь Чэньюю лучше, чем к самому себе. Цзян Сяо не мог поверить в это, когда всё вспомнил. Всё, о чём думал Линь Чэньюй - это то, что его жизнь с Цзян Сяо прошла гладко. Цзян Сяо был внимателен и нежен. Линь Чэньюй никогда не понимал, что за этим вниманием и нежностью скрывалась любовь, глубокая, как море, подкреплённая изнурительными усилиями.

«Вот почему, когда я впервые увидел тебя, то понял, что ты переродился». Цзян Сяо сделал ещё один глоток холодного соевого молока, слегка наклонил голову, чтобы посмотреть на него, и спросил: «А как насчёт тебя? Линь Чэньюй, что ты заметил?»

Когда Линь Чэньюй услышал, что он сказал, то был тронут, одновременно опечален и немного счастлив. Он думал, что причина, по которой Цзян Сяо вспомнил об этом, заключалась в том, что Линь Чэньюй всё ещё занимал место в его сердце.

Но вопрос Цзян Сяо мгновенно заставил его устыдиться.

«Я...»

Линь Чэньюй не мог говорить.

Вопрос Цзян Сяо был риторическим. Он не ожидал ответа. Цзян Сяо точно знал, когда Линь Чэньюй узнал его—только что.

Он не упомянул о трагических событиях их прошлой жизни. Он не спросил, что Линь Чэньюй сделал позже. Он упомянул только эти мелочи, которые застали Линь Чэньюя врасплох и в то же время напомнили ему о пропасти, которая существовала между ними.

Линь Чэньюй никогда не испытывал к нему такого же беспокойства.

Прошло много времени с тех пор, как Линь Чэньюй нашёл Цзян Сяо, и теперь они встретились несколько раз. Он не понимал, что тот возродился, пока не услышал, как Цзян Сяо говорит на диалекте Люцзян. Но это была слишком большая зацепка. Даже обычному однокласснику Цзян Сяо показалось бы странным слышать, как он так свободно говорит на диалекте Люцзян.

Цзян Сяо был человеком, который переродился после многих лет взрослой жизни. Он выглядел моложе и теперь носил школьную форму, но, несомненно, обладал некоторыми привычками из своей прошлой жизни.

Но Линь Чэньюй не мог ответить на это. Он не мог опознать ни единой вещи. Он слишком поздно пожалел обо всём и ничего не замечал раньше. Он не мог вспомнить что-то из воздуха только потому, что сожалел об этом.

Он даже не помнил, что Цзян Сяо не любил кухню в стиле Люцзян. Еда в Люцзяне была в основном свежей и сладкой, но Цзян Сяо любил более крепкий аромат. Его родная провинция Жунсян славилась богатыми и тяжёлыми блюдами. Тяжелое масло, тяжелые специи и тяжелая сладость были его любимыми ароматами. Но из тысячи вариантов Линь Чэньюй сегодня выбрал местный ресторан.

Цзян Сяо привык к этому. Он не чувствовал разочарования.

«Раньше ты готовил люцзянскую еду дома. Я думал, я просто думал, что тебе это нравится...» Линь Чэньюй запнулся над своим объяснением, стараясь не паниковать. «Сяосяо...»

«Дело не в том, что мне это нравится. Ты это готовил» сказал ему Цзян Сяо. «Я делал это только потому, что тебе это нравится».

Он отнёсся к этому очень спокойно и добавил предостерегающую ноту: «Больше нет».

Работать так усердно и заставлять себя приспособливаться к человеку, которому всё равно.

«Извини». Линь Чэньюй не знал, что сказать. Он хотел сказать ему, что в будущем всё будет по-другому. Но по сравнению с Цзян Сяо его обещания были бы слишком слабыми. «Раз тебе это не нравится, может, пойдём куда-нибудь в другое место?»

Теперь было уже слишком поздно для этого.

«В этом нет необходимости». Цзян Сяо был слишком ленив, чтобы пойти в другое место. «Ешь все, что тебе нравится».

Когда он сел, то заказал миску лапши и попросил официанта принести небольшое блюдо с соусом чили. Он планировал сначала хорошенько набить желудок.

По сравнению с ним у Линь Чэньюя не было аппетита.

Как он мог так навёрстывать упущенное за десятилетия?

Каждый раз, когда он видел Цзян Сяо, то чувствовал, что расстояние между ними безнадежно растёт.

Цзян Сяо опустил голову, чтобы поесть без разговоров, а Линь Чэньюй не осмеливался заговорить. В это время не было слов, чтобы выразить его нынешнее настроение. Он не знал, как объяснить свою беспечность в прошлой жизни. На самом деле не было никакого способа объяснить это.

Когда Цзян Сяо закончил есть, то снова посмотрел на Линь Чэньюя и заговорил, нарушив нынешнее спокойствие.

«Я сказал это не для того, чтобы винить тебя. Линь Чэньюй, это было целую жизнь назад, и в то время я делал всё это добровольно. Для меня всё это в прошлом». Цзян Сяо вытер рот бумагой и сказал: «На самом деле, тебе не нужно чувствовать себя слишком виноватым, тебе не нужно заглаживать свою вину передо мной. Просто я тебе не очень нравился, поэтому ты, естественно, делал не так много, как я. С моей стороны всё это было выдачей желаемого за действительное».

Его болезнь не была виной Линь Чэньюя. Когда он умер, ему повезло переродиться. Он перестал гоняться за тем, что ему не принадлежало.

Ненависть - это тоже форма заботы, потому что для ненависти требуются время и усилия. Его время было слишком ценным. Он не собирался тратить его на Линь Чэньюя.

«Мы всегда были разделены двумя мирами, особенно теперь, когда мы переродились. Раньше было неправильно заставлять себя собраться вместе». Цзян Сяо отложил палочки для еды. «Я хорошо живу в эти дни. Мне не нужна от тебя никакая компенсация. Если ты действительно чувствуешь себя виноватым, не приходи ко мне снова. Это лучший конец для нас обоих».

Линь Чэньюй посмотрел в его ясные, спокойные глаза. Его переполняли чувство вины и паника, он не мог думать о том, что было уместно или неуместно. Он встал, взял Цзян Сяо за руку и притянул его в свои объятия.

«Нет, это не так, Сяосяо, это не выдача желаемого за действительное» его голос дрожал. «Ты мне действительно нравишься. Я уже давно влюблён в тебя. Мне так жаль. Всё, что случилось - моя вина. Я изменю всё, что тебя не устраивает, и я буду заботиться о тебе и любить тебя, как ты и сказал. Давай начнём всё сначала, хорошо?»

Цзян Сяо: «Это бесполезно».

Нахмурившись, он попытался оттолкнуть Линь Чэньюя, но тот держался крепко и не двигался.

Это был первый раз, когда Линь Чэньюй обнял его в этой жизни. Тело Цзян Сяо всегда было тёплым. Когда этот человек его обнимал, казалось, что у него было всё, он отказывался отпустить.

Однажды он уже потерял своего возлюбленного. Теперь казалось, что он вот-вот снова потеряет его.

«Сяосяо, пожалуйста» прошептал он на ухо Цзян Сяо, напуганный до смерти. «Я знаю, что был неправ. Давай начнём сначала, хорошо? На этот раз я буду хорошо к тебе относиться и всегда останусь с тобой. Ты можешь вымещать свой гнев на мне, сколько захочешь, хорошо?»

Но теперь у Линь Чэньюя не было ничего, кроме слов, чтобы доказать, что он любит его.

«Это бесполезно» повторил Цзян Сяо. Его терпение иссякло. «Не говори так больше. Меня это раздражает».

Он уже был немного напуган, поэтому сделал всё возможное, чтобы оттолкнуть Линь Чэньюя.

«Сяосяо...»

«Не называй меня больше по имени». Цзян Сяо поел и сказал всё, что ему нужно было сказать. Его лицо было совершенно холодным. Он надеялся, что Линь Чэньюй поймёт это как можно скорее. Такие люди, как он, никогда не умели говорить с другими о своих чувствах. «Ты никогда не был искренен со мной, и ты никогда не уважал моё мнение или идеи. Ни в этой жизни, ни в прошлой. Тебе следует пойти и найти кого-нибудь другого, чтобы поиграть с ним в любовные игры».

Прежде чем Цзян Сяо ушёл, он не забыл взять со стола ещё одну чашку холодного соевого молока и передать её Линь Чэньюю.

«В прошлой жизни у нас не было возможности попрощаться. Это, наверное, единственное, о чём мы сожалели раньше». Говоря это, он посмотрел Линь Чэньюю в глаза. «Это для тебя. Это подарок на расставание. Теперь у нас есть начало и конец. Мы закончили, Линь Чэньюй. Не встречайся со мной больше в будущем».

В первый раз, когда Линь Чэньюй увидел Цзян Сяо, он протянул ему чашку соевого молока точно также. Его глаза были похожи на сияющие звезды, он сказал ему: Твой завтрак. Если тебе некуда идти, ты можешь остаться со мной.

«Сяосяо». Линь Чэньюй снова потянулся к человеку, который хотел уйти, блокируя проход в двери. Это был первый раз, когда Цзян Сяо видел его плачущим, он не мог полностью игнорировать это. Его глаза покраснели, а слёзы начали падать, как бусинки с нитки. «Но ты, ты тогда сказал, что всегда будешь со мной. Я люблю тебя...»

«Видишь ли, ты совсем не помнишь, что я сказал. Я сказал, что буду с тобой всю свою жизнь». Когда Цзян Сяо говорил, Линь Чэньюй смотрел на него, рыдая. Он больше не чувствовал себя расстроенным и даже улыбнулся. «Я не нарушил своего обещания, Линь Чэньюй. Я никогда не нарушал своего слова. Видишь ли, ты действительно потратил всю мою жизнь».

Эта фраза, казалось, пронзила сердце Линь Чэньюя, как миллион стрел. В руке, которую держал Цзян Сяо, больше не было силы. Линь Чэньюй наблюдал, как Цзян Сяо отвернулся и открыл дверь, выходя из ресторана, не оглядываясь. Он стоял на том же месте, закрыв лицо руками.

Линь Чэньюй думал, что боль от потери Цзян Сяо в его прошлой жизни прошла. На самом деле это было только начало.

<http://bllate.org/book/14428/1275612>